

Первое моё пересечение с Иваном Дмитриевичем произошло заочно. В бурные дни дискуссий о многоукладности, развернувшихся в начале 1970-х гг., мы с Ю.З. Полевым представили в редакцию журнала «История СССР» статью, основная идея которой состояла в том, чтобы раскрыть взаимосвязь между промышленным переворотом в пореформенной России и происходившими в ней социальными процессами, включая и формирование рабочего класса. С учётом данных, имевшихся тогда в историографии (в частности, приведённых в фундаментальной монографии М.К. Рожковой), мы утверждали, что промышленный переворот следует рассматривать как длительный процесс, по разному протекавший в различных отраслях и регионах, а следовательно, его завершение нельзя рассматривать как одномоментный акт — где-то он продолжался до 1890-х гг. и даже до начала XX в. Соответственно, более длительным было и превращение рабочих из сословия в современный класс капиталистического общества, способный к политической консолидации готовый к созданию социал-демократической партии. Это существенно расходилось с привычным для советских историков представлением о том, что промышленный переворот и формирование рабочего класса в России в основном завершились к 1880-м гг.

После сдачи статьи в журнал прошло много времени, а её судьба оставалась для авторов неизвестной. Через несколько месяцев редакция возвратила рукопись с пометками главного редактора. На полях Иван Дмитриевич предельно откровенно сформулировал свой ответ. По его мнению, если признать, что промышленный переворот в России в 1880-е гг. ещё не завершился, то придётся поставить под сомнение и зрелость предпосылок для возникновения первой марксистской организации «Освобождение труда». Разумеется, идеология в 1970-е гг. таких сомнений не допускала и наша статья в тот период не могла быть опубликована. В условиях обострившейся дискуссии вокруг «нового направления» в исторической науке, такой вердикт выглядел вполне оправданным.

Лично, глаза в глаза, нам довелось встретиться уже в принципиально иной ситуации. В редакции журнала состоялось заседание, посвящённое изучению того, как в зарубежной историографии освещалась история пореформенной России. От Института истории СССР АН СССР на него были приглашены мы с Н.Г. Думовой, а от Высшей комсомольской школы — её ректор Ю.Н. Афанасьев. В ходе обсуждения Афанасьев был единственным, кто продолжал отстаивать традиционные методы «борьбы с буржуазными фальсификаторами». Позиция И.Д. Ковальченко и Е.И. Пивовара, заведовавшего в редакции отделом зарубежной историографии, была принципиально иной. Они воспринимали развитие исторической науки (и науки в целом) как единый диалектический процесс, и полагали, что исследователям Востока и Запада предпочтительнее искать точки соприкосновения, а не вести друг с другом непримиримую идеологическую борьбу. Именно такого подхода придерживались и мы с Думовой. После этого совещания я стал лучше понимать Ковальченко, который, будучи к этому времени крупным учёным, хорошо известным за рубежом, прекрасно осознавал необходимость «вписать» отечественную историографию в мировой контекст. Впоследствии я не раз убеждался в этом.

Когда Иван Дмитриевич уже возглавлял Отделение истории, в новом здании Академии наук собрались академик-секретарь Ковальченко, академик П.В. Волобуев, доктора исторических наук В.В. Журавлёв, А.П. Ненароков и я. Обсуждался фундаментальный исследовательский и издательский проект по истории меньшевизма в 1917 г., в реализации которого должны были принять участие как отечественные, так и зарубежные исследователи и архивисты из США. Несмотря на то, что в начале 1990-х гг. ситуация в стране коренным образом изменилась, оставалось ещё немало «ортодоксов», выступавших против подобных совместных проектов. Однако Ковальченко, сочувствовавший расширению круга источников, доступных историкам всех стран, не только однозначно поддержал наш замысел, но и помог в его реализации, облегчив доступ к архивным фондам. Более того, после успешного выхода четырёх томов меньшевистских документов 1917 г., Ковальченко одобрил идею ещё более масштабного многотомного труда «Политические партии в России. Документальное наследие».

Являясь первопроходцем в деле активного применения количественных методов в исторической науке, Иван Дмитриевич с большим энтузиазмом откликнулся на статью, в которой мы с А.П. Корелиным и И.Н. Киселёвым впервые для изучения российских партий начала XX в. применили математические приёмы. Иван Дмитриевич даже предложил нам подготовить доклад для Международного colloquium в США, что и было сделано.

Не один год мне довелось вместе с Ковальченко участвовать в заседаниях редколлегии журнала «Вопросы истории». В процессе обсуждения редакционных материалов по самому широкому спектру проблем он неизменно демонстрировал глубокие знания, конструктивный подход к решению самых сложных вопросов, каждый раз высказывал ценные суждения, заслуживающие внимания и последующего продумывания. Следует учесть, что эти дискуссии разворачивались в конце 1980-х — начале 1990-х гг. Придерживаясь здравого смысла, Ковальченко нередко снижал тогда остроту полемики между членами редколлегии и способствовал принятию взвешенных решений. У меня в ходе этих заседаний окончательно сформировался образ крупного учёного и организатора исторической науки — Ивана Дмитриевича Ковальченко, обладавшего природной творческой способностью генерировать инновационные идеи, склонного к их методологической проработке, плодотворно участвовавшего в осуществлении важнейших научных проектов. Это действительно редкое сочетание незаурядных качеств свидетельствовало о цельности его личности — теоретика, методолога, аналитика, источниковеда, историографа, популяризатора отечественной исторической науки. Постоянно находясь в творческом поиске, И.Д. Ковальченко стал примером для последующих поколений историков.

Любовь Сидорова: В русле мировых тенденций

Lyubov Sidorova (Institute of Russian History, Russian Academy of Sciences, Moscow): In line with global trends

Впервые я увидела Ивана Дмитриевича Ковальченко за университетской кафедрой зимой 1976 г. Он, тогда ещё — член-корреспондент РАН, читал свой курс о применении количественных методов при изучении истории. В то время я готовилась к поступлению на исторический факультет, и мне очень хотелось